

САМООБОРОНА И ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ: К ВОПРОСУ О СПРАВЕДЛИВЫХ ОСНОВАНИЯХ ВОЙНЫ

Н.А. Шавеко,

кандидат юридических наук, научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН

*В статье рассматривается базовый принцип *jus ad bellum* – принцип справедливой причины (веского основания, правого дела) для начала войны. Анализируются самооборона и гуманитарная интервенция как две такие справедливые причины. Со ссылкой на решение Международного суда ООН по делу «Никарагуа против США» (1986) критикуется доминирующая среди западных ученых позиция о неограниченном праве каждого государства на помощь другим государствам в порядке коллективной самообороны.*

Введение. Теория справедливой войны традиционно делится на две части: *jus ad bellum* (справедливые поводы для начала войны) и *jus in bello* (справедливые способы ведения войны). В первом случае ставится вопрос о том, когда допустимы военные действия, во втором – какими средствами они должны вестись. Помимо вышеуказанных двух частей теории справедливой войны, многие ученые поднимают ряд проблем, которые можно отнести к *jus post bellum* (право после войны). В настоящей статье мы рассмотрим важнейший принцип *jus ad bellum* – принцип справедливой причины (*just cause*), который в нашей научной литературе переводится также как принцип «веского основания» или «правого дела».

Справедливая причина войны: подходы к обоснованию. Война как таковая запрещена современным международным правом, что прямо или косвенно следует практически из всех принципов, относимых к *jus cogens*. Применение силы или угрозы силой допустимо только в рамках индивидуальной или коллективной самообороны в случае вооруженного нападения либо по решению Совбеза ООН в случае угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии (ст.ст. 2, 39 – 51 Устава ООН). С учетом этого юристы в области международного права обычно называют три случая легального применения вооруженных сил: 1) самооборона государства; 2) защита другого государства (коллективная самооборона); 3) вмешательство

по мандату Совбеза ООН (в том числе гуманитарная интервенция). Эти же случаи обычно называют политологи и моральные философы. Однако обоснование этих случаев как «правого дела» («достаточного основания») порой сильно отличается от основных посылок Устава ООН.

Так, многие ученые критикуют морально сомнительные концепции государственного суверенитета и территориальной целостности. Они полагают, что Устав ООН защищает в первую очередь существующий *status quo* – мир как совокупность национальных государств, а не то, что является более глубинным и важным, – права человека. В этой связи предпринимаются попытки переосмыслить аргументы, которые обосновывают три легальных случая применения силы.

По мнению Д. Любэна, например, суверенитетом обладает политическое сообщество – нация (результат «горизонтального» общественного договора между людьми), а не государство (продукт «вертикального» общественного договора между нацией и правителем). Следовательно, такие понятия, как угроза миру, нарушение мира и акт агрессии следует переформулировать: они означают не преступления против государств, а преступления против людей (прав человека). С учетом такого подхода Д. Любэн формулирует принципы *jus ad bellum* следующим образом: 1) справедливая война – это война в защиту основных прав че-

ловека или (альтернативно) самозащита против несправедливой войны; 2) несправедливая война – это война, подрывающая права человека, т. е. это не война в защиту основных прав человека¹. Б. Оренд также исходит из того, что главная задача государства – защита, обеспечение и реализация прав человека. В связи с этим какие-либо права (в том числе на политический суверенитет и территориальную целостность) имеет лишь то государство, которое удовлетворяет требованиям минимальной справедливости. В противном случае нельзя считать, что человек как рациональный агент мог бы согласиться на управление таким государством². Автор утверждает, что минимально справедливое государство – это государство, которое: 1) обеспечивает правопорядок; 2) обеспечивает безопасный доступ к объектам прав человека; 3) обеспечивает защиту от внешних угроз; 4) представляет граждан на международной арене минимально справедливым образом. Соответственно, решая вопрос о достаточном основании для войны, Оренд пишет: «Государство может прибегнуть к вооруженной силе против другого государства, если в отсутствие международного органа для эффективного решения этой проблемы такие действия разумно считаются необходимыми для отстаивания универсальных принципов справедливости, в частности прав человека и тех прав и обязанностей государств... которые совместимы с ними и/или необходимы для них»³. Дж. Ролз в работе «Закон народов: неидеальная теория» также исходит из доктрины ограниченного суверенитета и интерпретирует войну-самооборону через призму защиты основных прав человека. Так, он пишет, что «любое общество, уважающее права человека и не проявляющее агрессивности, имеет право на самооборону». К таким обществам Ролз относит либеральные и иерархические. «Когда либеральное общество вступает в войну в целях самообороны, оно стремится защитить и сохранить основные свободы своих

граждан и свои конституционно-демократические политические институты... Ограничивать свободу граждан путем воинского призыва или других подобных практик по формированию армии допустимо, согласно либеральному политическому мировоззрению, лишь во имя самой свободы». Что касается иерархических обществ, то в ходе самообороны они, по Ролзу, защищают саму структуру этого общества с ее «добропорядочной консультативной иерархией», позволяющей гарантировать основные права человека⁴.

Подход, исходящий из приоритета прав человека, представляется нам продуктивным хотя бы потому, что он позволяет лучше объяснить феномен гуманитарных интервенций, которые фактически санкционированы Уставом ООН (для случаев, когда имеется мандат Совбеза ООН) и повсеместно поддерживаются научным сообществом (споры возникают лишь о критериях и процедурах, которые делают их легитимными), но на юридическом языке по-прежнему осмысляются в терминах мира и безопасности, а не прав человека. В результате приходится усложнять нормативную конструкцию, признавая массовые и грубые нарушения прав человека нарушением международного мира и безопасности, хотя фактически эти нарушения, происходящие внутри отдельного государства, могут не иметь никаких прямых последствий для международного сообщества. Вместе с тем, предложенный подход открывает новые возможности для вооруженного вмешательства во внутренние дела государств⁵, поэтому для того,

⁴ Ролз Дж. Закон народов: неидеальная теория // Неприкосновенный запас. 2002. № 4 (24). URL: <http://www.zh-zal.ru/nz/2002/4/rolz.html>.

⁵ Д. Любэн, например, с учетом своих рассуждений о суверенитете, допускает вооруженное вмешательство в дела государства, в отношении политического режима которого можно с очевидной достоверностью сказать, что он не поддерживается подавляющим большинством населения (*Luban D. Just War and Human Rights*. P. 169 – 172). Эта позиция не является общепризнанной. Например, против нее выступает М. Уолцер, который отмечает, что власть в Ираке может быть репрессивной и морально отвратительной, но если она не сопровождается массовыми убийствами или этническими чистками, то основания для гуманитарной интервенции отсутствуют. Как представляется, в этом споре Уолцер более последователен, так как акцентирует внимание на конкретных нарушениях прав человека, а не просто на политических предпочтениях народных масс (*Walzer M. Arguing about war*. New Haven & London: Yale University Press, 2004. P. 148 – 149). «Авторитарный режим, способный на массовые убийства, но не приступивший к ним, не может быть подвергнут военному нападению и политической реконструкции» (*Уолцер М. Смена режима и справедливая война // Военно-юрид. журн.* 2013.

¹ *Luban D. Just War and Human Rights // Philosophy & Public Affairs*. Vol. 9. No. 2 (Winter, 1980). P. 164 – 176.

² *Orend B. War and international justice. A Kantian perspective*. Waterloo (Ontario), 2000. P. 110 – 112.

³ *Ibid.* P. 177 – 178.

чтобы он не порождал злоупотреблений, требуется обратить пристальное внимание на критерии соразмерности, крайней необходимости и т. п., которые признаются подавляющим большинством теоретиков справедливой войны вместе с критерием достаточного основания. Более того, в формулировке Оренда (в отличие от аналогичной у Любэна) имеется важная оговорка о том, что эта формулировка касается лишь ситуации, когда отсутствует беспристрастная международная инстанция, уполномоченная принимать решение о вооруженном вмешательстве. В конечном счете борьба со злоупотреблениями гуманитарными интервенциями настоятельно требует создания подобной инстанции. Существующая структура Совбеза ООН, предполагающая 15 членов, из которых лишь пять являются постоянными и имеют право абсолютного вето, нередко делает невозможным реагирование на нарушение мира и безопасности и прав человека. Как выражается М. Уолцер, мировое сообщество толерантно не столько ввиду принципиальных соображений, сколько «вследствие собственной слабости как режима»⁶. В результате ввиду своей политизированности и субъективности Совбез ООН все больше теряет авторитет и легитимность, и большинству ученых очевидна необходимость его реформирования. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 3 ноября 1950 г. «Единство в пользу мира», которая в случае бездействия Совбеза, вызванного разногласиями постоянных членов, допускает созыв чрезвычайных сессий Генеральной Ассамблеи, на которых могут вырабатываться рекомендации Совбезу относительно коллективных мер (включая применение вооруженных сил), не предоставляет достаточного инструментария для решения рассматриваемой проблемы, так как сводится к возможности неких необязательных рекомендаций, которые могут не приниматься во внимание могущественными странами.

В данном контексте нельзя не отметить Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г., принятый резолюцией 60/1 Генеральной Ассамблеи

№ 7. С. 26 – 32). Но данный автор отмечает и другое: бывают режимы, например нацистский, сама идейная суть которых состоит в нарушениях прав человека, и тогда нельзя добиться целей войны, не свергнув такие режимы.

⁶ Уолцер М. О терпимости. М., 2000. С. 38.

ООН от 16 сентября 2005 г., в пп. 138, 139 которого (очевидно, на основе доклада «Обязанность защищать», составленного в 2001 г. Международной комиссией по вопросам вмешательства и государственного суверенитета) подтверждена обязанность каждого государства защищать свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности (столп I), а также обязанность мирового сообщества оказывать государствам помощь в повышении их возможностей по исполнению данной обязанности (столп II). В случае если государство не в состоянии исполнить свою обязанность, а мирные средства окажутся недостаточными, допустимо вооруженное вмешательство международного сообщества по мандату Совбеза ООН согласно гл. VII Устава ООН (столп III). Фактически речь идет о том, что государственный суверенитет налагает определенные обязательства не допускать массовых и грубых нарушений прав человека и произведен от факта исполнения этой обязанности. Данный вектор развития международного права позволяет надеяться, что в будущем угрозы миру и безопасности, нарушение мира и безопасности и акты агрессии будут пониматься не как покушение на государственный суверенитет и территориальную целостность сами по себе, а как покушение на права человека и производные от них права соответствующего политического сообщества.

Одновременно концепция «Обязанность защищать» («Responsibility to protect», R2P) содержит и другой важный вывод, а именно: гуманитарную интервенцию следует рассматривать не как право, а как обязанность, причем не отдельного государства, а международного сообщества в целом, и эта обязанность должна выполняться в строгом соответствии с Уставом ООН. Представляется, что та же самая логика может быть распространена и на случай самообороны: «Хотя частное лицо имеет право сражаться в защиту своей собственной жизни, оно может не воспользоваться этим правом. Государства, однако, обязаны защищать своих граждан от вреда»⁷. Более конкретно: по отношению

⁷ Rhodes B. An introduction to military ethics: a reference handbook. Santa Barbara (California), 2009. P. 79.

к государствам самооборона и гуманитарные интервенции являются правом, но по отношению к людям они – обязанность.

Рассмотрим поочередно каждое из «достаточных оснований», которые оправдывают развязывание войны.

Индивидуальная и коллективная самооборона. Отвечая на вопрос о том, что на международном уровне следует признавать самообороной, а что не следует, мы можем обратиться к тем теоретическим разработкам, которые уже предложены учеными применительно к внутригосударственному уголовному праву. Например, представляются разумными следующие принципы (ср. со ст. 37 УК РФ и постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19):

1) в рамках самообороны вред:

– может быть причинен только посягающему субъекту (а не каким-либо иным);

– может быть больше, чем предотвращаемый, но он не должен явно не соответствовать характеру и степени опасности посягательства (в теории справедливой войны это требование выражается в принципе соразмерности);

2) вызвавшее самооборону посягательство должно быть (в теории справедливой войны нижеследующие требования выражаются в принципе крайнего средства):

– реальным (а не мнимым);

– наличным (а не еще не начавшимся или уже окончившимся; но как ст. 37 УК РФ упоминает «непосредственную угрозу насилия», а Пленум Верховного Суда Российской Федерации – «реальную угрозу посягательства», так и применительно к области международных отношений у исследователей имеется сложившийся консенсус о допустимости «упреждающих» ударов);

– общественно опасным (а не просто противоправным; в международном праве это выражается, например, в том, что вооруженная самооборона допустима только в отношении вооруженного посягательства).

Д. МакМахан проводит параллель с внутригосударственным правом в другом аспекте. Он замечает, что самообороной во внутригосударственном праве считаются действия, предпри-

нимаемые в ответ на противоправные, а не на правомерные действия⁸ (ср. с п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19). Следовательно, и в международном праве мы не можем назвать самообороной действия агрессора, предпринимаемые с целью помешать атаке противника, удовлетворяющей критериям самообороны.

Обращаясь непосредственно к современным научным дискуссиям в области военной этики, отметим, что споры в отношении самообороны ведутся в основном относительно упреждающих, превентивных и последующих ударов.

В западной научной литературе устоялось разграничение упреждающего (preemptive) и превентивного (preventive) ударов. Н. Фоушин так поясняет это разграничение: «Первый предпринимается перед лицом очевидной и *наличествующей в данный момент* опасности. Враг собирается напасть сейчас, в любой момент. В ситуации, требующей упреждающего удара, государство, находясь под угрозой уничтожения, первое наносит удар. В противоположность этому превентивный удар предпринимается перед лицом очевидной, но *будущей* опасности. Теория справедливой войны допускает первое, то есть упреждающий удар, но не второе»⁹. Действительно, многие авторы указывают, что, с одной стороны, нельзя ограничивать определение агрессии лишь непосредственной атакой (в том числе связанной с нарушением границ), но, с другой стороны, нельзя считать агрессией, допускающей ответную вооруженную реакцию, любое нарушение существующего баланса сил. Так, М. Уолцер настаивает на том, что лишь конкретные военные действия противника, а не простые его заявления или недружелюбная политика, и уж тем более не субъективное чувство страха жертвы, могут лежать в основании упреждающих действий. Данный автор, в частности, поддерживает действия Израиля в Шестидневной войне (1967), отмечая три фактора: 1) провозглашение намерения причинить вред

⁸ McMahan J. The Ethics of Killing in War // Ethics. 2004. Vol. 114. No. 4. P. 702 – 703.

⁹ Фоушин Н. Две теории справедливой войны // Этическая мысль. 2016. Т. 16. № 2. С. 174.

(территориальной целостности и политической независимости); 2) уровень активной подготовки, делающий это намерение позитивной опасностью; 3) общая ситуация, при которой любые другие действия, помимо превентивной войны, существенно повысят риски жертвы¹⁰. Б. Оренд также отстаивает право на самооборону лишь в случаях, когда строго выполняются критерии очевидности, серьезности и неизбежности угрозы, и не признает такое право, когда одно из государств просто наращивает вооруженные силы и разрабатывает новые системы вооружений, даже если ранее такое государство проявляло агрессию¹¹. Можно, таким образом, констатировать, что оправдание упреждающих и осуждение превентивных ударов прочно укоренилось в научной литературе. Впрочем, Н. Фоушин склонен отходить от собственных же принципов, называя допустимым превентивное применение вооруженных сил по отношению к временно не предпринимающим антигосударственных военных действий, но при этом планирующим их мятежникам или террористам, поскольку при этом идет речь о нападении, «которое уже осуществляется»¹². По мнению автора, теория справедливой войны в этом случае, по сути, «разрешает нанесение ударов (только если выполнены все другие критерии), которые предотвращают *последующие*, но не *первые* удары противника»¹³ (таким образом, лишь в этом случае имеются достаточные основания для самозащиты). Применяя ту же логику, Д. Любэн распространяет допустимость превентивной войны и в отношении не совершающих активных агрессивных действий «государств-изгоев», так как они представляют перманентную угрозу для других государств¹⁴. Представляется, однако, что допущение Фоушином и Любэном превентивных ударов не учитывает возможность опасных прецедентов, таких как прикрытие актов агрессии и мести риторикой о превентивной самообороне, а также возможность неконтролируемой эскалации кон-

фликтов¹⁵. В конечном итоге учету подлежат объективные данные, свидетельствующие о степени существующей угрозы, и если множество таких данных говорит о реальности непосредственной угрозы, допустимы вооруженные действия в рамках самообороны, которые при таких обстоятельствах могут быть расценены как упреждающих, а не превентивный удар. В противном случае за государством остается право наращивать свои оборонительные силы и развивать правоохранительную деятельность, при необходимости заключать договоры о коллективной обороне, не прибегая к вооруженным акциям.

Н. Фоушин идет дальше и, помимо ситуации будущей опасности, допускает применение силы в ситуации опасности в прошлом. Он пишет, что для вступления в войну «веское основание – недавнее серьезное нападение. Факт, что вражеское нападение завершилось, не меняет ситуации. Допустимо считать, что враг продолжает свои агрессивные действия и тем самым заслуживает наказания»¹⁶. По нашему мнению, эта расширительная трактовка достаточного основания является необоснованной постольку, поскольку отсутствуют свидетельства продолжения соперником агрессивных действий или намерений их продолжать. Недопустимость ответа на прекратившееся посягательство в целом может быть обосновано теми же аргументами, что и в отношении будущего посягательства (превышение пределов самообороны ввиду отсутствия непосредственной и объективной опасности; возможность злоупотреблений и фактической легитимации любой войны и т. п.). К тому же речь в рассматриваемом случае, по сути, идет о вооруженных репрессалиях, которые действующим международным правом вполне обоснованно запрещены. Война не должна восприниматься как наказание, поскольку она, подобно кровной мести, предполагает: 1) предвзятость карателя (выполняющего роль судьи в собственном же деле); 2) не свойственные наказанию цели (утоление гнева вместо общей и частной превенции и возмещения

¹⁰ Walzer M. Just and unjust wars. A moral argument with historical illustration. New York, 2006. P. 81, 85.

¹¹ Orend B. Op. cit. P. 162, 183 – 186.

¹² Фоушин Н. Указ. соч. С. 178.

¹³ Там же. С. 183.

¹⁴ Якушев Л.В. Современные трансформации теории справедливой войны // Этическая мысль. 2016. № 2. С. 147.

¹⁵ Rhodes B. Op. cit. P. 85; Fletcher G.P., Jens D.O. Defending humanity: when force is justified and why. New York, 2008. P. 95 и др.

¹⁶ Фоушин Н. Указ. соч. С. 174.

вреда); 3) нарушение существующего правопорядка (в данном случае – устанавливающего недопустимость нарушения мира, угрозы миру и актов агрессии, а также учреждающего международные судебные и иные инстанции). Кроме того, война представляет собой без достаточных оснований возрожденный архаичный институт коллективной ответственности, т. е. кару не тех (не виновных) лиц¹⁷. Самооборона в ответ на совершенную в прошлом атаку, таким образом, возможна лишь тогда, когда с учетом всех сведений нельзя полагать, что посягательство уже окончилось (ср. с п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19, который говорит о дьящемся или продолжающемся посягательстве, и п. 8, упоминающим не завершившееся, а лишь приостановленное посягательство, – во всех этих случаях посягательство считается наличным).

Что касается коллективной обороны, то связанные с ней проблемы в научной литературе поднимаются реже. По мнению большинства ученых, право на оборону имеют не только сама жертва, но и все государства, которые считают нужным ей помочь. Соглашения в области коллективной обороны, в свою очередь, превращают такое право в обязанность. Так, М. Уолцер утверждает, что в случае акта агрессии (понятие агрессии автор не раскрывает, но, вероятно, имеет в виду понятие, определенное в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 3314 от 14 декабря 1974 г.) «любой может прийти на помощь жертве, применить необходимую силу против агрессора, и даже совершить нечто подобное аресту правонарушителя, только на международном уровне»¹⁸. Б. Оренд также отстаивает права третьих государств на оборону своих союзников, приводя такой аргумент: совершив акт агрессии, государство нарушило минимальные требования справедливости, а следовательно, утратило все свои права, поэтому оно уже не может апеллировать к суверенитету и террито-

риальной целостности¹⁹. Позицию названных авторов уточняет Д. Любэн, который доказывает, что независимо от наличия или отсутствия указанных соглашений третьи лица не вправе вмешиваться в конфликт с целью защиты одного из его участников, если речь идет о превентивных (упреждающих) операциях, поскольку подобное вмешательство создавало бы значительные риски для мира и безопасности и нарушало бы международное право²⁰. Вместе с тем, имеются серьезные основания поставить под сомнение точку зрения вышеуказанных авторов относительно неограниченного права на защиту других. Международный суд ООН, например, в решении по делу «Никарагуа против США» (1986) ограничил право на коллективную самооборону двумя условиями: подвергшееся вооруженному нападению государство должно официально заявить, что оно является жертвой, и обратиться к союзному государству с просьбой об оказании помощи в порядке коллективной самообороны. Эти условия хотя и отличают международные правила от большинства внутригосударственных, но представляются разумными, поскольку в противном случае была бы большая опасность злоупотреблений. Таким образом, вступление в войну с целью обороны другого государства требует согласия на это легитимных властей того государства, которое подверглось нападению. Но что, если обстоятельства таковы, что это согласие не может быть испрашено (например, легитимная власть свергнута)?²¹ С нашей точки зрения, в таком случае право на защиту других следует поставить в зависимость от того, насколько весомые основания имеются полагать, что такое согласие было бы дано. Позиция, согласно которой в подобных случаях согласие просто не играет роли, представляется необоснованным упрощением проблемы. Другой важный вопрос: защита других – это обязанность или право? Здесь мы должны установить, имеют ли одни политические сообщества некоторые глобальные обязательства перед другими и перед человечеством в целом. Эта проблема чаще поднимается в контексте гуманитарных интервенций, поскольку

¹⁷ *Luban D.* War as punishment // *Georgetown Public Law Research Paper*. 2011. No. 11 – 71. URL: http://scholarship.law.georgetown.edu/fwps_papers/145; <http://ssrn.com/abstract=1855283>. См. также: *Cuce X.* Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах. М., 2007. С. 83.

¹⁸ *Walzer M.* Just and unjust wars. A moral argument with historical illustration. P. 62.

¹⁹ *Orend B.* Op. cit. P. 181.

²⁰ *Luban D.* Preventive War // *Philosophy & Public Affairs*. 2004. Vol. 32. No. 3. P. 207 – 248.

²¹ *Fletcher G.P., Jens D.O.* Op. cit. P. 43 – 45 и далее.

именно им посвящен знаменитый доклад «Обязанность защищать».

Гуманитарные интервенции. В тех же случаях, когда допустима самооборона, допустимо и вмешательство Совбеза ООН в порядке гл. VII Устава ООН. Однако нередко Совбезом ООН санкционируется вооруженное вмешательство в дела государства, которое не проявляет агрессии по отношению к другим государствам. В научной литературе указанные вопросы обсуждаются в контексте проблемы гуманитарных интервенций. Сама возможность таких, как представляется, связана с представлениями об ограниченности государственного суверенитета и об обязанностях по защите прав человека, которые государственный суверенитет налагает. Пользуясь терминологией Дж. Ролза, можно сказать, что гуманитарные интервенции представляют собой вооруженные вторжения либо в «государства-изгои» (которые отказываются соблюдать основные права человека и мировой правопорядок), либо в «обремененные общества» (которые в силу различных исторических, экономических и социальных причин не могут достичь уровня стабильных правопорядков)²². При этом обычно ставятся следующие вопросы: 1) в каких случаях допустимо/требуется вмешательство?; 2) кто вправе/обязан вмешаться?; 3) какие обязательства берет на себя интервент?

В своей работе «Справедливые и несправедливые войны» (1977) М. Уолцер утверждал, что принцип территориальной целостности и нерушимости границ может быть нарушен в случаях, когда он не служит той цели, ради которой существует, а именно самоопределению того или иного народа. Ученый называет три таких типичных случая: 1) когда посредством национально-освободительного движения внутри какого-либо государства меньшинства стремятся отстоять свое право на самоопределение; 2) когда на территорию какого-либо государства уже вошли войска другого государства, в связи с чем требуется уравновесить силы в целях обеспечения самоопределения народа первого государства (что означает, что революцию в дру-

гих странах поддерживать в идеале не следует, но можно реагировать на вмешательство в нее других сторонних государств); 3) когда имеются шокирующие, массовые и ужасные нарушения прав человека на территории государства, вследствие которых действующий режим уже не может считаться результатом самоопределения граждан этого государства (при этом Уолцер полагает, что вето членов Совбеза ООН не является справедливым основанием для отказа от такого вмешательства). Более лаконично: «государства могут вторгаться [в другие государства] и справедливо начинаться войны, чтобы помочь сепаратистским движениям (когда те уже продемонстрировали свой представительный характер), с целью уравновесить предшествующие вмешательства других держав и с целью спасти народы, которым угрожает расправа»²³. Малоубедительным представляется различие подходов Уолцера к национально-освободительным и революционным движениям: первые он призывает поддерживать, во вторые (независимо от того, насколько они олицетворяют волю нации!?) – не вмешиваться.

В последующем в работе «Рассуждая о войне» (2004) Уолцер признает, что, несмотря на защищаемую им презумпцию недопустимости военного вмешательства, с учетом событий в Боснии и Косово, в Руанде, Судане, Сьерра-Леоне, Конго, Либерии, Восточном Тиморе (и ранее в Камбодже и Бангладеш) он стал более охотно призывать к нему²⁴. Вместе с тем, автор предостерегает от гуманитарной интервенции в страны, где антидемократический режим нарушал права человека в прошлом или может нарушить их в будущем, но не нарушает в настоящем. Таким образом, Уолцер обоснованно указывает на ограничения, аналогичные тем, которые применяются к случаю самообороны²⁵. Со своей стороны полагаем, что вмешательство во внутренние дела государства в целях оказания содействия национально-освободительному или революци-

²³ Walzer M. Just and unjust wars. A moral argument with historical illustration. P. 108.

²⁴ Walzer M. Arguing about war. New Haven & London: Yale University Press, 2004. P. XIII.

²⁵ См., напр.: Уолцер М. Смена режима и справедливая война. С. 26 – 32.

²² Ролз Дж. Указ. соч.

онному движению также должно зависеть как минимум от серьезности допускаемых этим государством нарушений права на самоопределение. Само по себе наличие нарушений прав не говорит о том, что действовать вправе другое государство, а не только национально-освободительное или революционное движение.

Б. Оренд отстаивает право на гуманитарную интервенцию на том основании, что государство, не удовлетворяющее так называемым минимальным требованиям справедливости (эффективный правопорядок, соблюдение прав человека, обеспечение защиты от внешних угроз, отсутствие агрессии во внешних сношениях), теряет право на политический суверенитет и территориальную целостность²⁶. Подобно М. Уолцеру, данный автор пытается сформулировать общее правило для ситуаций, когда государственный суверенитет противоречит тем ценностям, ради которых он и существует. Однако эта формулировка уже является более абстрактной, что, как представляется, в перспективе позволяет включить в число оснований для гуманитарной интервенции ситуации, не названные Уолцером. Теоретически, например, в ходе революционного движения может отсутствовать эффективный правопорядок, но может и не быть массовых и серьезных нарушений прав человека (например, при применении тактики ненасильственного сопротивления). Вероятно, для ОRENDA это уже является основанием для вмешательства, но для Уолцера – нет.

Х. Сисе предлагает следующие критерии допустимости гуманитарных интервенций: 1) имеются явные и подтвержденные признаки того, что существующий режим планирует осуществление геноцида или жестокого крупномасштабного насилия какого-либо другого рода или уже готов к ним; 2) имеется крупная катастрофа, местные власти не принимают меры для ее облегчения и при этом создаются вооруженные препятствия для посторонней гуманитарной помощи; 3) в государстве отсутствует действенное политическое управление и идет кровопролитная гражданская война, которую

невозможно остановить без вмешательства извне²⁷. При всей, с первого взгляда, убедительности указанных критериев, мы вновь вынуждены акцентировать внимание на их отличиях от позиций Уолцера и ОRENDA. Так, Сисе, в отличие от Уолцера, считает допустимым постороннее вмешательство в гражданскую войну, если она без такого вмешательства может продолжаться еще в течение очень долгого времени (т. е. основанием для вооруженного вмешательства является, в сущности, равновесие сил!), тогда как Уолцер допускает постороннее вмешательство лишь в случае, когда другое государство уже вмешалось в войну, и даже в этом случае вмешательство осуществляется лишь для восстановления соотношения сил, существовавшего до первоначальной интервенции (т. е. уравнивание сил является уже целью, а не основанием вмешательства!). Нельзя думать, что на практике это различие во взглядах двух ученых не будет играть большой роли из-за того, что гражданские войны всегда сопровождаются массовыми нарушениями прав человека, которые сами по себе могут легитимировать постороннее вооруженное вмешательство. Дело в том, что интервенция в ходе гражданской войны должна быть направлена не просто на остановку кровопролития, но и на то, чтобы помочь народу в его самоопределении, и оба названных автора признают это. Однако если в гражданской войне участвуют два или более политических сообщества, то очевидно, что как минимум одно из них может быть против постороннего вооруженного вмешательства, и в этом случае под вопросом окажется легитимность такого вмешательства. В таких случаях интервенция, призванная прекратить массовые и серьезные нарушения прав человека, будет препятствовать самоопределению, вследствие чего Уолцер и выступает за строгий нейтралитет. Как представляется, борьбу нескольких политических сообществ, даже если она происходит в рамках одного государства, следует рассматривать как обычную войну. Следовательно, проблема вмешательства должна решаться в категориях

²⁶ Orend B. Op. cit. P. 186 – 187.

²⁷ Сисе Х. Указ. соч. С. 80.

коллективной самообороны, а не гуманитарной интервенции. Отсюда, если невозможно определить, кто из сторон агрессор, а кто – обороняющаяся жертва, то вмешательство третьих лиц исключено даже тогда, когда налицо серьезные и массовые нарушения прав человека, так как последние объясняются самим состоянием войны. Если же агрессор может быть идентифицирован, то действия против него могут быть оправданы в рамках коллективной обороны.

Для предотвращения злоупотреблений в ходе гуманитарной интервенции Оренд вводит достаточно строгие критерии, каждый из которых должен соблюдаться: 1) очень серьезные и очевидные нарушения прав человека в государстве N; 2) согласие народа N на вооруженное вмешательство третьей стороны; 3) предварительное взятие на себя третьей стороной обязательства по реконструкции N после достижения целей вооруженного вмешательства²⁸. Особенно важны последние два критерия, поскольку при всей их важности другие мыслители, как правило, игнорируют их. Уолцер обращает внимание на третий, но не на второй. Между тем совершенно логично испросить согласие народа страны на вмешательство в дела этой страны, ведь народ, в отличие от государства, не теряет свой суверенитет (если конкретно, значимым является согласие непосредственных жертв и той части народа, которая не принимает участия в нарушениях прав человека). Конечно, иногда достаточно сложно определить, согласна ли сама жертва на вооруженное вмешательство в ее дела, но прецеденты таких исследований имеются, например доклад Международного комитета Красного Креста «Люди о войне» (2000). В случае массовых и серьезных нарушений прав человека, когда согласие народа на вмешательство в его дела не представляется возможным, мы предлагаем презюмировать это согласие, однако государство-интервент должно незамедлительно прекратить боевые действия, если появятся достаточные признаки того, что народ (его репрезентативная часть) не желает подобной интервенции и оказывает ей

противодействие. Д. Паттисон в дополнение к изложенному отстаивает еще одно условие обоснованности вмешательства: согласие (репрезентативность) народа самого государства-интервента²⁹. Впрочем, данный автор не считает данное условие совершенно необходимым для оправдания гуманитарной интервенции, тогда как нам в свете принципа национального суверенитета оно представляется абсолютным (вопрос лишь в том, в какой форме это согласие должно быть получено).

В работе «Рассуждая о войне» (2004) в фокус внимания Уолцера попадают не только критерии допустимости военного вмешательства, но и вопросы столь же важные, хотя и менее обсуждаемые, например: кто именно должен осуществить вооруженное вмешательство, т. е. взять на себя издержки и риски, связанные с ним? возможно ли вооруженное вмешательство в отсутствие четкой стратегии, включающей различные варианты развития событий и способов завершения операции? К сожалению, автор не дает на эти вопросы определенного ответа. На наш взгляд, некоторую ясность в этот вопрос вносит доклад «Обязанность защищать», который возлагает ответственность по защите прав человека на международное сообщество в целом. Однако в рамках международного сообщества каждое государство, как представляется, также несет разную степень ответственности. Например, постоянные члены Совбеза ООН ответственны за добросовестное использование права вето. Совбез ООН в целом ответственен за создание эффективных и беспристрастных вооруженных сил. Близлежащие к региону конфликта страны ответственны за конкретные организационные меры, которые они могут предпринять, экономически развитые страны ответственны за предоставление финансовых, военных и иных средств и т. п. Д. Паттисон отстаивает так называемый умеренный инструменталистский подход, в соответствии с которым существуют разные степени легитимности

²⁸ Orend B. Op. cit. P. 187.

²⁹ Pattison J. Humanitarian Intervention and the Responsibility to Protect: Who Should Intervene? New York, 2010. P. 129 – 151. Например, в гуманитарной интервенции предпочтительно задействовать солдат-добровольцев, также необходимо учитывать тот ущерб, который будет нанесен жителям государства-интервента и его ресурсам.

субъектов вооруженного вмешательства, при этом главным, но не единственным критерием их легитимности является долгосрочная эффективность в деле защиты основных прав человека (в первую очередь в том государстве, куда осуществляется вмешательство, во вторую очередь – в мире в целом и в государстве-интервенте); само вмешательство вправе осуществлять каждый легитимный субъект, а обязан осуществлять наиболее легитимный из всех субъектов³⁰. Недостаток этой точки зрения мы видим в том, что эффективность ставится на первое место, в то время как она должна приниматься во внимание только тогда, когда выполняются все остальные условия для справедливого гуманитарного вмешательства.

Кроме того, оказание гуманитарной военной помощи должно предполагать учет всех возможных исходов, наличие желания и ресурсов для доведения операции до логического конца. Наиболее эффективным здесь представляется введение презумпции, согласно которой государство-интервент, начав боевые действия, автоматически берет на себя обязательства по последующей послевоенной реконструкции государства, в дела которого он вмешивается, равно как и по соблюдению иных принципов *jus post bellum*. Раскрытие этих принципов, однако, выходит за рамки настоящей статьи.

Выводы. Кратко, справедливой причиной для развязывания войны следует считать нару-

³⁰ *Pattison J.* Op. cit.

шение прав человека. Это, конечно, не означает, что любое нарушение прав человека оправдывает начало войны. Так, существует множество принципов *jus ad bellum*, такие как принцип крайнего средства и принцип соразмерности, которые мы не раскрыли в настоящей статье, но которые обязательно должны быть соблюдены, чтобы война считалась справедливой. Но уже сам по себе принцип достаточной причины таит в себе множество теоретических и практических неясностей. Так, признаки самообороны, сформулированные во внутригосударственном праве, в силу своей специфики не всегда могут быть перенесены в международное право, а иногда (как мы показали для случая коллективной самообороны) – и не должны быть перенесены. Терроризм, партизанские движения и кибервойны порождают уже сугубо практическую проблему выявления реальной и наличной военной угрозы и применения выработанного в теории разграничения упреждающих и превентивных ударов. Что касается гуманитарных интервенций, то хотя ученые в целом сходятся в необходимости таковых в случае массовых и грубых нарушений прав человека, существуют серьезные разногласия относительно допустимости вооруженного вмешательства в течение революции, гражданской войны и национально-освободительного движения. Как представляется, спорные вопросы должны решаться исходя из понятий политического сообщества и народного суверенитета.

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ГРАЖДАНСКАЯ СЛУЖБА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ. ЗАМЕНА ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ ГРАЖДАНСКОЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР

Я.О. Соколов,

адвокат Адвокатской палаты Ростовской области

На протяжении российской истории XIX – XX столетий порядок замены военной службы гражданской устанавливался дважды – при царе Александре II и после прихода к власти большевиков. В первом случае правом на отказ брать в руки оружие могли воспользоваться

только христиане-меннониты. Во втором оно предоставлялось верующим различных конфессий. Таким образом, с 1880 по 1939 гг. в России существовал прямой аналог нынешней альтернативной гражданской службы (сокращенно – АГС). В тот период проходили круп-